

1 ПО ДОРОГЕ В ПЕКИН

Мы выехали из Харбина около часу дня, 26 декабря 1920 года. Для предстоящего путешествия я купила хороший чемодан, саквояж, чехол для постели, и весь наш багаж имел весьма приличный вид, как полагалось «за границей». Ехали мы во втором классе. Вагон был чистый, обращение поездной прислуги вежливое. Контроль — двойной: русский и китайский. Мы встретили в нашем вагоне знакомого, говорящего по-английски. Он помогал нам иногда в разговоре с вагонными служащими, ибо наша английская практика была еще очень слаба.

Мы должны были прибыть к 9-ти часам вечера в Чаньчунь² — конечный пункт Китайской Восточной ж[елезной] дороги и первый пункт дороги Южно-Маньчжурской. Но поезд наш опаздывал. Кто-то сказал, что горела букса³, поэтому поезд простаивал иногда долгое время на месте. Говорили, что не успеем к вечернему поезду из Чанчуна, который должен был перенять пассажиров из харбинского экспресса, как было согласовано по расписанию. И, действительно, мы попали в Чаньчунь вместо 9-ти в 12 1/2 часов ночи и должны были остаться там до утра.

Новые, необычные впечатления испытала я, выйдя из поезда. Светила полная луна, бросая призрачный отблеск на замыкающие город сопки. Широкая площадь перед вокзалом была еще освещена яркими китайскими фонарями. Огромные цветные фонари висели над входами в близлежащие гостиницы. И тут же, отгороженная барьером от выходящей из поезда публики, колыхалась и глухо рычала что-то толпа китайцев, тоже с цветными фонариками, качавшимися у них в руках.

— Что это? — спросила я в изумлении.

Мне объяснили, что это рикши, ожидающие пассажиров с поезда, а также служители гостиниц, зазывающие к себе постояльцев.

Мы с мужем пошли в Ямато-отель, расположенный в конце привокзальной площади. Очень чисто, нарядно. Но самый дешевый номер стоил на одну только ночь 8 иен. Я пришла в ужас, однако делать было нечего: идти в китайскую гостиницу нам с непривычки было

¹ Подневные записи А.Н.Серебренниковой. Л. 11–30; См. также: Серебренников И.И. В Пекине // Серебренников И.И. Мои Воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 69–170.

² Чанчунь, станция КВЖД или Куаньченцзы находится на р. Итунхэ. Являлся одним из торговых центров Гиринской провинции, ныне административный центр. В 1920 г. здесь соединялись 3 дороги: русская, японская и китайская на Гирин. По площади не уступал Харбину. Тогда в нем жило около 150 тыс. чел., из них 5 000 японцев и 500 русских. Располагались Российское консульство, коммерческое агентство КВЖД, отделение Русско-Азиатского банка. Недалеко от станции находился небольшой русский поселок.

³ Букса — металлическая коробка, внутри которой помещены подшипник и устройство для подачи смазки.

страшно. Отведенный нам номер был довольно большой, прилично обставленный. Неприятно подействовал на меня какой-то специфический запах, царивший там. На столике стоял графин с чистой прозрачной водой. Я хотела напиться, стала наливать воду в стакан и вдруг увидела на дне графина множество кишаших там мелких черных муравьев. В жизни моей не видела ничего подобного! Конечно, я выплеснула воду из стакана и раздумала утолять свою жажду.

Спала я плохо. Вместо подушек на кроватях были твердые узкие валики, на которых я никак не могла примостить голову. Вертелась по постели почти до рассвета, когда, наконец, забылась недолгим сном.

Утром мы сели в поезд Южно-Маньчжурской дороги¹. При утреннем свете Чанчунь, вернее, тот кусочек его, который был виден с вокзала, мне понравился. По дороге смотрела с интересом на высокие земляные холмы — китайские могилы предков, раскиданные там и тут на открытом месте, иногда под деревьями. Поезд наш шел быстро и плавно. На остановках входили в вагон японские торговцы, предлагали японский завтрак в плетеных коробочках, очень красиво и чисто уложенный, мандарины. Мы купили и мандаринов, и один завтрак, с любопытством попробовали. Кое-что показалось нам несъедобным, но с удовольствием поели вареного риса, составлявшего главное содержимое коробки. Мандарины — отличные.

Понравились нам японцы — тихие, вежливые, спокойные. Низко кланяются, предлагая свой товар.

К вечеру приехали мы в Мукден². Опять придется заночевать — нет подходящих поездов. У вокзала попался нам извозчик, немного говорящий по-русски. Привез нас в русскую гостиницу. Первое впечатление наше было скверное: показалось, что это просто воровской притон. Какие-то узкие переходы, лестнички, хозяева — все почти восточные люди. Обстановка комнат бедноватая. Войдя в предоставленный нам номер, я первым делом подошла к окнам, посмотреть, куда они выходят. Оказалось, на ту самую улицу, по которой мы сюда приехали. Улица — широкая, людная, вся залитая электричеством, не смотря на полную луну. Множество рикш, большое движение пешеходов. Я успокоилась. Нам дали поужинать — два-три блюда, вкусно, по-домашнему приготовленные.

¹ Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) действовала с апреля 1907 г. Основой послужили имущество КВЖД и частные предприятия, переданные по Портсмутскому договору и железнодорожному соглашению 1907 г. Вначале контролировалась Квантунским губернаторством, позднее главнокомандующим области. До заключения Мукденского соглашения в 1924 г. существовала большая конкуренция между КВЖД и ЮМЖД. Затем положение резко изменилось в лучшую сторону для ЮМЖД. После японской оккупации деятельность дороги еще более улучшилась. После Маньчжурских событий перешла к особоуполномоченному послу Японии и командующим Квантунской армии. К 1939 г. протяженность дороги составляла 1129,1 км.

² Мукден, город. Совр. Шэньян, административный центр провинции Ляонин. Находится в долине р. Хуньхэ. Открыт для иностранной торговли в 1903 г. До учреждения столицы Маньчжу-Ди-Го являлся политическим и административным центром Маньчжурии. До 1920 г. здесь находились Российское генеральное консульство и военное агентство.

Все же я чувствовала некоторое беспокойство. И вдруг за стеной нашего номера послышались звуки скрипки: кто-то играл «Осеннюю песню» Чайковского. Я была удивлена и потом мгновенно успокоилась, и страхи мои прошли: подумалось, что там, где играют Чайковского, можно ничего не бояться. После мы узнали, что рядом с нами поселился, тоже на одну ночь, пассажир нашего же поезда, русский коммерсант из Харбина. Он и играл на скрипке.

Ночь прошла спокойно, только было очень жарко, так как с вечера хозяева затопили у нас печку. Среди ночи я встала и открыла форточку. Улица, несмотря на позднее время, жила полной жизнью: рикши громко переговариваются, смеются, слышны шаги многих прохожих. У меня болела голова, я боялась, что не засну под этот шум. Но, когда легла, быстро уснула и проспала до самого утра.

В 8 часов нам дали большой чайник с горячим чаем, по три яйца всмятку, хлеб, масло. Мы попросили счет. За комнату, ужин и утренний завтрак хозяева взяли с нас только 5,50 иен и проводили нас очень любезно. Потом мы поехали на вокзал — в первый раз на рикшах. Дул ледяной ветер. Поезда еще не было. Пристыдил нас носильщик-китаец: подошел к нам, заговорил по-английски — мы должны были сказать: «Не понимаю».

Поезд пришел точно по расписанию и так же точно, минута в минуту, двинулся дальше. Устроились мы опять во втором классе — чистота и порядок. Едут в нашем вагоне несколько человек русских и евреев. Везде найдешь соотечественников.

Пообедали мы с мужем в вагоне-ресторане. В первый раз ели заграничный обед в семь блюд. Первое — ложечка какой-то темной жидкости на дне тарелки — это суп. Затем — жареная рыба, маленькими кусочками. На столе стоят пикули, томатовый соус в бутылке остро-сладкого вкуса, сливочное масло. Решили выпить сода-виски. Мне не понравился вкус. На третье блюдо был подан язык с овощами, потом жареная птица. Пятым блюдом был ростбиф, шестым — холодная солонина с салатом. Затем пирожное и миниатюрная чашечка кофе с консервированными сливками из банки.

Я насытилась этим обедом, муж — не вполне. После мы попросили боя принести нам в купе пива. Муж уже говорит несколько фраз по-английски, и его понимают.

На станциях — китайчата, веселые, живые, забавно танцуют иногда. Скучные китайские постройки: наружу только стены, вся жизнь внутри дворов. Дует страшный ветер, гудит под вагонами, но солнце яркое.

В 6 1/2 часов вечера бой позвал нас в вагон-ресторан обедать. То, что мы ели в полдень, был, оказывается, завтрак. Порядок тот же. 1). Три ложки супу, и так быстро взяли тарелку обратно, что я и съесть не успела. 2). Рыба. 3). Что-то вроде рагу из бычьих хвостов. 4). Отбивные бараньи котлеты. 5). Ростбиф с картофелем, вареная зелень. 6). Рис, к нему соус: мелко нарезанное мясо, залитое острым едким соусом, которого я не могла есть. Называется он Кэрри. 7) Сладкая каша, вроде саго. 8) Груши. 9) Кофе.

Как сильно все-таки английское влияние на Востоке, вплоть до меню. По-нашему, по-русски, лучше: подали две—три смены кушаний, и довольно. И прислуге меньше работы, а то здесь бойки все время бегают, меняют тарелки, ножи, вилки.

Пришли после обеда в свое купе. Там уже приготовлены постели, положены белоснежные простыни, теплые одеяла. Не хватает только ночных туфель — у японцев в спальнях вагонах Чанчунь—Мукден ставят туфли.

Завтра утром будем в Пекине. Уснула я не сразу, очень жесткой казалась подушка. Потом незаметно сон сморил меня. Ночью мы проехали начало Великой Китайской Стены — не пришлось посмотреть, проспали. Очень жалели потом.

28 декабря 1920 г. Приехали в Пекин утром, часов в 9. Как только поезд остановился, в наш вагон с ревом и шумом влезла толпа носильщиков-китайцев, несколько из них ухватились за наши чемоданы и уже готовы были тащить их на платформу. Мы кое-как отбились от них, я даже ударила одного по руке. Поручили все наши вещи трим, которые побесжали с быстротой молнии, и мы за ними. Вышли с платформы через высокие сводчатые ворота на улицу. Не помню никаких первых впечатлений — все слилось в одно: китайская толпа, шум, выкрики на непонятном языке... Автомобилей вблизи не было, у ворот стояло несколько тачек. Наши носильщики, что-то крича по-своему, взвалили наши вещи на одну из тачек, и ее повезли новые. Прежним дали 1 доллар. Говорим, что нам нужно в Russian Mission¹. Кивают головами — дескать, поняли — и минут через пять останавливаются у ворот большого красивого здания. Оказывается, это — бывшее Русское посольство. Что нам тут делать? На наше счастье, вышел китаец-привратник и заговорил с нами по-русски. Мы объяснили ему, что нам нужно в Рус[скую] Духовную Миссию. Он сказал по-китайски рикшам, облепившим нас тесным роем, куда схать. Тем двум китайцам, которые привезли на тачке наши вещи к посольству, пришлось также дать доллар: 20 центов они отказались брать, а больше мелочи у нас не было. Потом мы сели на двух рикш, на трех сложили багаж, и наш маленький караван двинулся вперед. Так совершилось наше прибытие в древнюю столицу Китая.

Ехали мы сначала улицами Посольского квартала. Он произвел на меня большое впечатление своим европейским видом: асфальтовые мостовые, прекрасные дома в 3—4 этажа, сады, красивые ворота иностранных посольских зданий. Потом свернули на длинную прямую китайскую улицу — позже мы узнали ее название: Хатамен-стрит. Потянулись по обе стороны причудливые китайские постройки, пестрые, резные, кружевные, с развевающимися разноцветными полосами материй возле дверей. Улица кишит людьми. Мостовая отличная, рикши наши бегут скоро, плавно, почти не задыхаясь.

¹ Русская духовная (иногда православная) миссия в Пекине (Pei-guan), или Российская духовная православная миссия в Китае, или Пекинская духовная миссия. Основана в 1685 г. Осуществляла православные обряды среди потомков албазинцев, а также русских эмигрантов, миссионерскую деятельность.

Особенно подробно я не разглядывала окружающего: устала с дороги и от всяких передряг, сейчас в лицо дул холодный ветер, бросал в глаза пыль с бесснежных улиц. Я зябла, закрывала лицо мехом — и еще немного беспокоила неуверенность: туда ли привезут нас? Едем долго, все прямо по этой бесконечной улице, потом, наконец, сворачиваем вбок и начинаем крутить по каким-то глухим, узеньким переулкам, напомиавшим несколько наши деревенские боковые улочки на задах деревни. На улицы обращены стены низких каменных строений, окон и дверей не видно, они где-то внутри. Ничего похожего на Русскую Миссию нет. На меня уж начал нападать страх.

— Где же, наконец, Миссия? — говорю я вслух.

Мой рикша оглянулся, закивал ласково головой и сказал: «Учас, учас». А другой прибавил: «Балиска». Я поняла, что это значило «сейчас» и «близко», и несколько утешилась. Действительно, скоро из-за деревьев блеснул вдали золотой крест, и минут через десять рикши наши остановились у больших ворот, увенчанных крестом. Подобно Колумбу, я готова была закричать: Ура! Земля! Устала и промерзла я до крайней степени.

Вышел нас встретить невысокий седоватый человек, приветливо поздоровался и повел во двор. Это оказался живший в миссии полк[овник] Л.[М.]Иванов*. Рикшам мы дали пять долларов, меньше они отказывались брать. Потом нам сказали, что из города в Дух[овную] Миссию и обратно платят всего по 30 центов. Л.М.Иванов привел нас в отведенную нам квартиру № 7, в длинном каменном корпусе, расположенном в глубине миссийского двора. Рядом, в № 18, обитал сам Иванов с женой. Все двери квартир выходят на узкую, длинную веранду, а за ней — большой парк. Деревья голые, но их много, и весной здесь должно быть чудесно.

Итак, с сегодняшнего дня я — корректор типографии Русской Духовной Миссии по приглашению В.В.Носач-Носкова*¹.

Нас не ждали в этот день в миссии, и комнаты наши не были готовы. Л.М.Иванов и его симпатичная жена Елизавета Ивановна приютили нас у себя, дали горячего чая. Познакомились еще с одним соседом по корпусу, Ив[ан] Ст[епанович] Кунис*, латышом по национальности, тоже очень приветливо встретившим нас. В 12 часов принесли монастырский обед, два простых блюда. После обеда муж пошел знакомиться с типографией и другими учреждениями миссии. Я погуляла по парку, потом сидела у печки в комнате Ивановых и читала найденную у них книгу П.Д.Боборыкина. К вечеру вымыли нашу комнату, поставили две кровати (без матрасов), стол, стулья, комод. И.С.Кунис дал нам ватные тюфячки и ватные одеяла. Было холодно и неудобно в комнате, но уснули мы крепко.

¹ Существовала в Успенском монастыре Русской духовной миссии, одно из старейших русских предприятий в Китае. Не считая журнала «Китайский благовестник», с 1902 по 1906 г. выпустила около 40 изданий на русском и китайском языках. По заказу школьной секции Харбинского общества возрождения России к 1918 г. здесь напечатали около 100 тыс. учебников. Одно время находилась в Харбине. С целью повышения эффективности деятельности была сдана в аренду предпринимателю В.В.Носач-Носкову, основавшему в 1920 г. товарищество «Восточное просвещение».

29 декабря. С утра принялась за уборку комнаты. Кровати оказались с клопами, я облила их спиртом и прожгла насквозь, потом залила крутым кипятком. Провозилась за этим делом часа два. С десяти часов уже начали слать мне корректуру. Среди груд разбросанного белья и платья, с кое-как расставленной мебелью, я на углу стола корректировала, потом надевала шубу, относила листки в типографию, через полчаса получала вторую корректуру. Муж с М.И.Мокшиным*, словолитчиком типографии, поехал в город за покупкой необходимых для нас вещей.

К вечеру комната наша преобразилась. Я повесила тюлевую штору на окно, на комод постлала кружевную скатерку, поставила зеркало и свои туалетные вещи. Муж купил и привез удобное плетеное кресло, две циновки на пол вместо ковра. На стену у кроватей прибили тоже купленные им две полосы цветного ситца. Была куплена большая стоячая лампа с зеленым абажуром. Стало так уютно, что я с удовольствием подумала о долгих часах работы, предстоявшей мне здесь.

Кроме этой большой комнаты, в которой мы поселились, в нашей квартирке есть еще две: одна, обставленная стульями и китайскими квадратными столами, выходит на веранду и на зиму закрыта, так как в ней нет печи. Другая — нечто вроде прихожей, с дверью во внутренний коридор корпуса, выходящей во двор. Через эту дверь мы можем ходить, не пользуясь закрытой комнатой. В прихожей я устроила умывальную комнату. В ней находится топка печи и достаточно тепло.

30 декабря. В 6 часов утра я проснулась от звона к ранней обедне. Колокольня расположена прямо за нашим парком. Потом еще поспала до половины восьмого. В восемь приносят кипяток в чайнике, хлеб и по два яйца на каждого из нас. По условию с арендатором типографии В.В.Носач-Носковым я получаю, кроме жалованья, квартиру и стол от Миссии, за его же счет. После чаю я прибираю комнаты и сажусь за корректуру. В моем распоряжении находятся еще материалы для журнала «Русское обозрение»¹, проектируемого к изданию Г.К.Гинсом. Просматриваю эти материалы. Корректура поступает часто, и я непрерывно работаю до 12-ти часов, когда раздается звонок к обеду. До двух часов — отдых, потом опять корректура, в 4 часа чай, и в шесть — ранний монастырский ужин. Остальное время принадлежит мне.

¹ Русское обозрение: Журн. Пекин; Харбин, 1920. № 1 (дек.). Издатель Дальневосточная лига свободы и прав человека. Редакторы-издатели В.В.Носач-Носков и Г.К.Гинс.